

Стратегическая рациональность традиционного Китая

А.А. Крушинский

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-38-50

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Издавна ведущие европейские мыслители отказывают китайскому традиционному мышлению в систематичности, теоретичности и рациональности, незатейливо прочитывая его как банальное морализирование («нравственная философия», в лучшем случае – «моральная метафизика» и т.п.), не подкрепленное никаким собственно философским дискурсом. Однако привычная социоэтическая этикетка скрывает гораздо более глубокую, нежели лежащая на поверхности «практическая мудрость», проблематику стратегического мышления. В ее центре – вопрос выбора всевозможных стратегий: от приземленно житейских до специально технических, от личного экзистенциального выбора до судьбоносных государственных решений. Концепция выигрышной стратегии эмблематизируется драматичным сюжетом смертельного риска («наступления на тигриный хвост»), но при определенных условиях – с гарантированно счастливым исходом. В качестве эталонной стратегии предлагается чудодейственная по своей эффективности стратегия гармонии (хэ 和), позволяющая безнаказанно «наступать на тигриный хвост» (люй ху вэй лü ху вэй). С точки зрения стратегического мышления критерием познавательной ценности рассуждения выступает его эффективность (в контексте той или иной игры), а максимальной эффективностью обладает безошибочный прогноз, т.е. возможность с помощью рассуждения спрогнозировать исход будущего развития событий. В идеальном случае (при соблюдении определенных условий) прогностическое рассуждение становится не просто правдоподобным, а стопроцентно достоверным, т.е. аподиктически истинным умозаключением. Поэтому высочайшим когнитивным статусом в китайской интеллектуальной традиции наделяются заведомо безошибочные прогностические рассуждения. Этот тип умозаключений, где достоверность предвидения гарантируется реализацией определенной выигрышной стратегии, может быть назван прогностической формой дедукции. В результате динамизм китайской логики, опирающейся на целенаправленное сценирование будущего (подчас с помощью стратегем разной степени хитроумности), разительным образом отличается от статичности классического образа логики (как традиционной, так и современной), когда логика оказывается не более чем статичным стра-

жем корректности рассуждения. Напротив, китайская концепция логики фокусируется на выведении следствий из стратегических соображений относительно будущего, активно и целенаправленно формируемого познающим и одновременно конструирующим как самого себя, так и окружающий его мир субъектом.

Ключевые слова: стратегическое мышление, прогностическая дедукция, выигрышная стратегия, стратегия гармонии, китайская культура.

Крушинский Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

zvenigor@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1126-3853>

Цитирование: Крушинский А.А. (2018) Стратегическая рациональность традиционного Китая // Философские науки. 2018. № 7. С. 38–50.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-38-50

Stratagem Rationality of Traditional China

A.A. Krushinskiy

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-38-50

Original research paper

Summary

For a long time, leading European thinkers have denied systematic, theoretical and rational nature of Chinese traditional thinking, unpretentiously reading it as banal moralizing (“moral philosophy,” at best – “moral metaphysics,” etc.), not supported by any proper philosophical discourse. However, the habitual socioethical label conceals a much deeper problematic of strategic thinking. At its center, there is the question of choosing all sorts of strategies: from everyday life to special technical ones, from personal existential choice to fateful state decisions. The concept of a winning strategy is emblemized by the dramatic plot of a deadly risk (“stepping on a tiger’s tail”) but under certain conditions with guaranteed happy end. The strategy of harmony (he 和), which is miraculous in its effectiveness, is proposed as a exemplary strategy. It allows you to “step on the tiger’s tail” with impunity (lǚ hu wei 履虎尾). From the point of view of strategic thinking, the criterion of cognitive value of reasoning is its effectiveness (in the context of a particular game), and the most effective is unmistakable prediction, i.e.

the ability to predict the outcome of future developments with the help of reasoning. In the ideal case (under certain conditions), prognostic reasoning becomes not just plausible but 100% reliable that is an apodictic true inference. Therefore, the highest cognitive status in the Chinese intellectual tradition is endowed with guaranteed error-free prognostic reasoning. This type of reasoning, where the reliability of foresight is guaranteed by the implementation of a certain winning strategy, can be called the prognostic form of deduction. As a result, the dynamism of Chinese logic, which relies on a deliberate staging of the future (sometimes with the help of stratagems of varying degrees of cunning), is strikingly different from the static nature of the classical image of logic (both traditional and modern), where logic is no more than a static guardian of correctness of reasoning. On the contrary, the Chinese concept of logic focuses on deriving consequences from strategic considerations regarding the future, actively and purposefully shaped by the subject who at the same time constructing both himself and the world around him.

Keywords: strategic thinking, prognostic deduction, winning strategy, harmony strategy, Chinese culture.

Andrey Krushinskiy – D.Sc. in Philosophy, Ph.D. in History, Main Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

zvenigor@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1126-3853>

Citation: Krushinskiy A.A. (2018) Stratagem Rationality of Traditional China. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 38–50.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-38-50

Введение

Китайская традиция занимает иную, нежели западная мысль, позицию по целому ряду таких принципиальных вопросов, как взаимоотношения вербальности и рациональности, взаимосвязи математической (в частности, числовой) образности и понятийного мышления и т.п. Достаточно рано сложившийся в Китае стиль теоретического мышления выступает в качестве исторически реализованной альтернативы традиционной западноевропейской рациональности.

Гримасы отечественного «научпопа»

Историография вопроса обнаруживает хроническую аберрацию восприятия традиционной китайской рациональности, особенно

заметную при попытках интерпретации логики как ее сердцевины. Китайское логико-методологическое теоретизирование обычно принято сводить к тривиальному предлогическому «рассуждению по аналогии», но подчас выходит полная вампука – вплоть до уморительных заявлений о некоей оккультной «нумерологии», якобы заменявшей логику в Древнем Китае. Последнее относится к отечественным эпигонам французского синолога М. Гране, по мере сил популяризирующих глумливое обесмысливание китайского дискурса [Кобзев 1994, 33], затеянное в начале прошлого столетия экстравагантным французом.

Добавляет абсурда всем этим постмодернистским играм вокруг китайской темы недавно появившийся, можно сказать, автодиагноз. Я имею в виду не лишенную самокритичности оценку «китайской нумерологии» бывшим наставником вождя российских культурологов-нумерологов А.И. Кобзева, а впоследствии его многолетним соратником и единомышленником – А.М. Карапетьянцем. Несмотря на то, что по откровенному признанию последнего, «нумерология – прежде всего паранаука, своего рода игра с цифрами» [Карапетьянц 2015, 18], тем не менее, он ничтоже сумняшеся, с младенческим простодушием славит А.И. Кобзева, «давно и плодотворно развивающего» для Китая *теорию* этой самой одиозной паранауки [Карапетьянц 2015, 17]. Со своей стороны нам остается только разделить ненамеренную, но тем более горькую иронию (плодотворность в развитии теории паранауки!) карапетьянцевой похвалы своему псевдонаучно плодовитому питомцу.

Складывается довольно нелепая ситуация. Персонажи, заявляющие себя дипломированными специалистами по истории китайской философии и, казалось бы, призванные оградить предмет своего изучения от невежественных нападков со стороны агрессивных европоцентристов или хотя бы попытаться проблематизировать окончательность их уничижительных вердиктов, вместо этого оказывают синологии поистине медвежью услугу, выставляя китайскую теоретическую мысль в комедийно неприглядном виде. Как говорится, при таких адвокатах и прокуроров не надо. Шутовские аттестации рациональности традиционного Китая как «нумерологической рациональности», ведомой некоей «нумерологической методологией», в свою очередь основанной на бессмысленном «количественном упорядочении», усилиями туземных клонов Гране наводнили постперестроечную учебную, справочную и всевозможную научно-популярную литературу

[Титаренко, Кобзев, Лукьянов 2006–2010, т. 1, 5], серьезно дезориентируя как научную общественность, так и рядового читателя.

Стратегическое мышление и прогностическая дедукция

Издавна ведущие европейские мыслители отказывают китайскому традиционному мышлению в систематичности, теоретичности и рациональности, незатейливо прочитывая его как банальное морализирование («нравственная философия», в лучшем случае – «моральная метафизика» и т.п.), не подкрепленное никаким собственнo философским дискурсом. Однако привычная социознательская этикетка скрывает гораздо более глубокую, нежели мелкотравчатая «практическая мудрость, сосредоточенная на обыденном», проблематику *стратегического* мышления, в центре которой – вопрос выбора всевозможных стратегий: от приземлено житейских до специально технических, от личного экзистенциального выбора до судьбоносных государственных решений.

С точки зрения стратегического мышления критерием познавательной ценности рассуждения выступает его *эффективность* (в контексте той или иной игры), а максимальной эффективностью обладает безошибочный *прогноз*, т.е. возможность с помощью рассуждения спрогнозировать исход будущего развития событий. В идеальном случае (при соблюдении определенных условий) прогностическое рассуждение становится не просто *правдоподобным*, а стопроцентно *достоверным*, т.е. аподиктически истинным умозаключением. Поэтому высочайшим когнитивным статусом в китайской интеллектуальной традиции наделяются гарантированно безошибочные прогностические рассуждения. Этот тип умозаключений, где достоверность предвидения гарантируется реализацией определенной выигрышной стратегии, может быть назван *прогностической формой дедукции*.

В качестве математически прозрачного **примера** прогностической дедукции можно сослаться на известные из школьной программы признаки делимости целых чисел. В простейшем случае признака делимости на два без остатка: четность последней цифры числа при его записи в десятичной системе однозначно указывает на четность всего числа. Здесь четность последней цифры сигнализирует о наличии алгоритма, иначе говоря, выигрышной стратегии, гарантирующей успешность процедуры деления любым возможным способом (например, «в столбик»).

Успешность предвидения (в том числе и главным образом, политического) явилась основой уникальной жизнеспособности этой цивилизации. Очевидно, что истоки прогностически ориентированных стратегических способов рассуждения, в частности, прогностической формы дедукции, в Древнем Китае следует искать в эзотерической практике дивинации, нацеленной на обретение «свойств чудесной прозорливости (шэньмин чжи дэ 神明之德)». Восходящая к гадательным практикам логика стратегического прогноза явилась, по-видимому, рационализацией культа предвидения, свойственного синоцентричной цивилизации. Производность подобного рода рассуждений и умозаключений от влиятельнейшей мантической традиции, представляемой «Ицзином», постоянно акцентировалась китайской философской мыслью. Вполне естественно, что теоретическое осмысление и графико-числовая формализация логики стратегических рассуждений также проходили в русле ицзиноведения (Исюэ). Уже один из первых европейских переводчиков «Ицзина» Дж. Легг справедливо подчеркивал именно прогностическую природу китайского оракула: «Надо иметь в виду, что цель дивинации – это вовсе не выявление будущих событий в абсолютном смысле этого слова, как если бы они могли быть узнаны наперед, а выяснение, приведут ли те или иные планы и предпосылки событий, занимающие вопрошающего, к удачному или неудачному исходу» [Legge 1893, 40–41].

Чудодейственная стратегия гармонии

Несомненность предвидения в той или иной игре обосновывается гарантированно благоприятным исходом этой игры при условии выбора и применения **выигрышной** стратегии ведущим игроком. Или же, напротив, неизбежным проигрышем – при наличии выигрышной стратегии у его оппонента. Примечательно, что такого рода стратегические соображения концептуализируются посредством гексаграммы № 10 ䷋ «Поступь (Люй 履)», прокламирующей **предопределенность** (а стало быть, принципиальную предсказуемость) выигрыша/проигрыша избранной поведенческой стратегией. Афоризм к завершающей, верхней черте этой в буквальном смысле основополагающей («основание [положительных] свойств» – дэ чжи цзи 德之基!) гексаграммы предельно лаконично резюмирует идеологию аподиктически достоверного предвидения («Рассматривай поступь и вникай в [являемые ей] предзнаменования» – ши люй, као сян 視履考祥 [ШСЦШ, 28]), базирующуюся на

концепции выигрышной стратегии. Последняя эмблематизируется весьма драматичным сюжетом смертельного риска («наступления на тигриный хвост»), но при определенных условиях – с гарантированно счастливым исходом: «Наступить на хвост тигра – [если] со страхом и трепетом, то, в конечном счете, к счастью» [ШСЦШ, 27]. Предполагается, что опасная до безрассудности игра в наступание на тигриный хвост может закончиться как успехом (выигрыш – тигр не кусает), так и плачевно (проигрыш – тигр кусает смельчака).

Безнаказанное попираание тигриного хвоста призвано проиллюстрировать чудодейственную эффективность стратегии *гармонии* (хэ 和), изображаемой «Поступью» [ШСЦШ, 89] и позволяющей так сказать «оседлать тигра». Согласно конфуцианской мудрости, суть этой стратегии – в идее победы *по правилам*, т.е. в известном смысле с согласия оппонента (коль скоро он принимает правила игры). В нашем случае – вызывающе третируемого опасного хищника, который не только не расправляется с дерзким обидчиком, но, напротив, чуть ли не мурлычет («радостно откликается» – юэ эр ин 說而應) в ответ. «Вот почему [можно] наступить на хвост тигра [так, чтобы он] не укусил человека...» [ШСЦШ, 27].

Таким образом, речь идет об идеальной выигрышной стратегии, можно сказать, выигрышной стратегии как таковой, т.е. о способности игрока к адекватному контрходу в ответ на любой ход оппонента в разыгрываемой партии. Поскольку речь идет именно о *стратегической* игре, а стало быть о стратегическом взаимодействии, то такая адекватность описывается в терминах гармонии («согласия несогласного»), трактуемой здесь, однако, как *доминирование* одного из двух игроков, не вызывающее протеста оппонента, – напротив, тот с готовностью «гармонизирует», поскольку все происходит строго в рамках правил (представляя собой своего рода фэйр-плэй). Непременное доминирование одной из находящихся в отношении «гармонии» сторон, иначе говоря, специфическая *асимметричность* (т.е., например, гармония подданного со своим правителем вовсе не предполагает ответной гармонии правителя с этим подданным) китайской «гармонии», нуждается в пояснении.

Прототипической гармонией в китайской философии выступает супружеская гармония – такое «согласие (букв.: взаимопоследование – сянциун 相從) воле», которое на поверку оборачивается сакральным *поглощением* одного из супругов родом другого. Действительно, брачная гармония не предполагает никакого равноправия между мужем и женой: становясь женой, девица

принимает фамилию мужа и вместе с тем лишается права служить своим родным предкам. Родственность возможна только в пределах одной фамилии, а женщина носит фамилию либо отца, пока остается в девицах, либо мужа, когда становится женой. Таким образом, в патриархальном браке личность жены полностью ассимилируется родом мужа (что запечатлевается утерей ей собственного родового имени). Причина – очевидная невозможность принадлежности разом к двум родовым культам предков, соответственно, родам.

В этой прототипической асимметрии – особенность китайского понимания гармонии, засвидетельствованная известной пословицей: «Один запекает, а другой подхватывает (и чан, и хэ — 唱, 一和)». Данный фразеологизм принято возводить к следующим поэтическим строфам из «Шицзина»:

Лист пожелтый, лист пожелтый
Ветер несет в дуновенье своем.
Песню, родной мой, начни, — я хотела
Песню продолжить, мы вместе споем.

Лист пожелтый, лист пожелтый
Ветер кружит и уносит с собой...
Песню продолжи, родной — я хотела
Песню окончить с тобой.
[Шицзин, 105].

Каноническая экзегеза прочитывает все произведение аллегорически – как завуалированный упрек правителю в утрате лидерства по отношению к своим подданным: вопреки своему высочайшему статусу он оказывается не запевалой, а напротив, подголоском (цзюнь жо чэнь цян, бу чан эр хэ е 君弱臣强, 不倡而和也), что приводит к искажению правильных отношений между правителем и подданным (бу чан эр хэ, цзюньчэнь гэ ши ци ли, бу сян чан хэ 不倡而和, 君臣各失其礼, 不相倡和). Таким образом, вся ода оказывается метафорой взаимоотношений ведущего и ведомого: как лист сколь угодно пожелтый, тем не менее, не смеет упасть без дуновения ветра, так же и подданный должен не самочинствовать, а терпеливо дожидаться, так сказать, «отмашки» правителя и только после нее верноподданнически «гармонизировать» (жэнь чэнь дай цзюнь чан эр хоу хэ 人臣待君倡而后和) [ШСЦЧШ, 342].

Итак, гармонизировать-подстраиваться – это удел нижестоящих (например, жены или подданного), но никак не вышестоящих, статус которых обязывает их доминировать и лидерствовать. Примечательно, что отстаивая принцип многообразия мировой цивилизации, теперешний китайский партийно-государственный лидер Си Цзиньпин (вслед за своим непосредственным предшественником Ху Цзиньтао) на первое место ставит именно «гармонию» как оптимальный *modus vivendi* для мира, преисполненного конкурирующими идентичностями. Далеко не случайно, что в первое десятилетие нынешнего столетия точкой пересечения традиции и современной идеологии КПК стал лозунг «гармонии», включавший планы создания «гармоничного общества» в Китае и «гармоничного мира» за его пределами. Похоже, что подобно тому, как брачная гармония в ее изначальном китайском понимании равносильна «победе» мужа над женой, точно так же глобальная гармонизация «с китайской спецификой» молчаливо подразумевает, пускай сколь угодно мягкое, но доминирование Китая над «гармонизируемым» миром.

Стратегичность

Прогностическая дедукция по определению нацелена на перспективу. Такая проективность представляет собой характерную особенность китайских представлений о познавательной активности. Последняя, согласно традиционным эпистемологическим воззрениям китайцев, обязана непременно подкрепляться указанием практических способов достижения планируемой перспективы. Действительно, детерминированность игры (т.е. существование выигрышной стратегии для одного из двух игроков) в принципе позволяет априорно предсказать ее исход, но, конечно же, только в предположении *реализации* этой выигрышной стратегии. Поэтому существование принципиальной возможности предвидеть исход игры представляет собой лишь необходимое (но никак не достаточное) условие прогностической дедукции, которое только будучи дополненным фактическим обнаружением такой стратегии – и соответственно, опознанием ее наличия у одного из игроков – гарантирует безошибочность предсказания истинного исхода. Но поскольку нахождение выигрышной стратегии даже для относительно несложных игр (таких, например, как Ним или крестики-нолики), не говоря уже о шахматах и сравнимых по сложности играх, – достаточно нетривиальная, а чаще и практически невыполнимая задача, то определение выигрышных стратегий становится центральной задачей дедуктивного прогнозирования.

Коль скоро же речь идет об истинности/ложности прогностического суждения (типичной формой которого является утверждение о выигрыше/проигрыше), детерминируемой искомой стратегией, то ее поиск и формулировка оказываются дедуктивно-прогностической разновидностью логического вывода. Как с интуиционистской точки зрения в математических теоремах существования «главную ценность представляет собой не сама теорема, а используемое при ее доказательстве построение, без которого теорема оказывается лишенной какой бы то ни было ценности тенью» [Вейль, 23], точно так же прогноз без обосновывающей его выигрышной стратегии не может претендовать на статус заключения логического вывода.

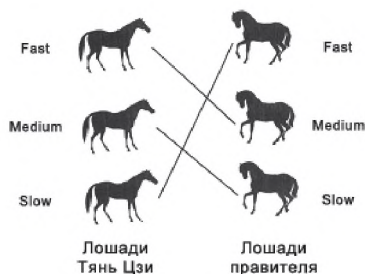
Квинтэссенцией подобной конструктивной фундированности проектирования является заостренность всей этой проективности-конструктивности до хитроумных приемов *стратегематики*. Вот почему нахождение, экспликация и кодификация разнообразных стратегий являлись одной из важнейших задач китайской логико-методологической мысли (а не просто утилитарно ориентированными *ad hoc* уловками, мотивированными сиюминутными практическими задачами). Наиболее внятной их формулировкой стала сравнительно поздняя каталогизация подобных стратегий в виде свода 36 стратегем.

«Сливовое дерево засыхает вместо персикового»

Прозрачный пример дедуктивного прогноза на основе производной от одной из таких стратегем выигрышной стратегии представляет хрестоматийная история с искусно подстроенной (и потому заранее успешно предсказанной) победой на скачках. Эта история возводится к эпохе «Сражающихся царств». Военачальник Тянь Цзи неоднократно бьется об заклад с правителем государства Ци, делая крупные ставки на скачках и постоянно при этом проигрывая. Знаменитый полководец Сунь Бинь, ученик еще более прославленного военного теоретика Сунь-цзы (автора древнейшего в мире военного трактата), как-то раз присутствовавший на этих скачках, подметил, что лошади Тянь Цзи не многим уступают лошадям циского правителя. Надо сказать, что скачки в те времена состояли из трех заездов различных лошадей из одной конюшни: лучших, средних и посредственных. Сунь Бинь, посулив незадачливому игроку выигрыш, советует ему без колебаний ставить по-крупному. Обещание полководца оказалось не пустым посулом, и потому поверивший в него игрок сорвал баснословный куш.

Предложенная Сунь Бинем стратегия сводится к *жертве* посредственной лошадей (она выставляется против лучшей лошади правителя) ради выигрыша двух остальных, из которых лучшая лошадь Тянь Цзи предсказуемо побеждает среднюю лошадь противника, а средняя лошадь – посредственную лошадь циского владыки. Соответственно Тянь Цзи, проигрывая в одном заезде, уверенно выигрывает в двух остальных и в итоге (один проигрыш против двух выигрышей) побеждает.

Идея пожертвовать *частью* ради выигрыша *в целом*, лежащая в основе примененной Сунь Бинем стратегии, впоследствии теоретически оформляется китайской традицией в виде стратагемы № 11 «Сливовое дерево засыхает вместо персикового» (Ли дай тао цзян 李代桃僵). В рассмотренном выше случае использования этой стратагемы роль сливы, засыхающей вместо персика, угото-

вана заведомо проигрывающей посредственной лошади Тянь Цзи, спасающей своим проигрышем от поражения других лошадей (исполняющих, таким образом, роли персиковых деревьев).

В «Даодэцзине», для которого тема прозорливости является одним из сквозных мотивов, пожалуй, с наибольшей отчетливостью обнажается стратагемный аспект прогностического умозаключения: «Если хочешь сжать, прежде нужно растянуть. Если хочешь ослабить, прежде нужно усилить. Если хочешь развалить, прежде нужно возвеличить. Если хочешь отнять, прежде нужно дать. Вот что зовется “предвосхищающим прозрением” (вэймин 微明)» [ЧЦЦЧ, т. 3, 21]. Гексаграммными прообразами этого лаоцзывого «предвосхищающего прозрения», по-видимому, является пара гексаграмм: № 41 ䷵ «Убавление (Сунь 損)» и № 42 ䷲ «Прибавление (И 益)». Не случайно 18 глава Хуайнань-цзы «Дела человеческие» (Жэнь цзянь сюнь), иллюстрирующая «знание и предвидение» соответствующими поучительными историями,

открывается краеугольной для всей этой тематики цитатой из «Даодэцзина»: «[В порядке] вещей, что либо убавление чего-либо [оборачивается] прибавлением [этого], либо прибавление чего-либо [приводит к] убавлению [этого]» [ЧЦЦЧ, т. 3, 27]. Далее идет прямая ссылка на эти гексаграммы: «Когда Конфуций, читая “Перемены”, доходил до [гексаграмм] “Убавление” и “Прибавление”, то всегда в волнении вздыхал и говорил: “Убавление и Прибавление [относятся] к царским делам!”» [ЧЦЦЧ, т. 5, 306]. По свидетельству недавно обнаруженного важного источника, величайший мудрец Китая специально отмечал ведущую роль «дао Убавления и Прибавления» в прогнозировании всевозможных «приобретений и потерь» (суны чжидао цзу и гуань дэши 損益之道足以觀得失) [БШЧИ, 484].

Выводы

Динамизм китайской логики, опирающейся на целенаправленное сценирование будущего, разительным образом отличается от статичности классического образа логики (как традиционной, так и современной), подразумевающего пассивную регистрацию уже существующего – отражение якобы независимой от наблюдателя «объективной» реальности, при котором логика оказывается не более, чем статичным стражем корректности рассуждения. Напротив, китайская концепция логики фокусируется на выведении следствий из стратегических соображений относительно будущего, активно и целенаправленно формируемого познающим и одновременно конструирующим как самого себя, так и окружающий его мир субъектом.

Рациональность в ее китайском понимании мыслится как необходимая предпосылка целерационального, иначе говоря, *последовательного* поведения. С формальной точки зрения она представляет собой поиск *максимума* некой величины: например, позитивного свойства в самом общем его понимании, которое чаще всего обозначается словом «[положительные] свойства» (дэ 德).

Такая концепция рациональности, сориентированная на решение преимущественно экзистенциальных задач выживания и адаптации, отвечает архаичному пласту когнитивной мотивации, разделяемой человеком с остальными живыми существами. Эта концепция, сформированная и поддержанная средствами во многом атавистической системы иероглифического письма (с его исходной до-языковой иконичностью), принадлежит базовому уровню рациональности,

контрастируя с вербально инспирированной и потому эволюционно вторичной европейской рациональностью.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

БШЧИ – Бошу Чжоу И цзяоши (Шелковая рукопись Чжоу И с сопоставительными пояснениями) / пер. на совр. кит. и коммент. Дэн Цюбо. – Чанша, 1996.

Вейль 2005 – *Вейль Г.* О философии математики. – М.: КомКнига, 2005.

Карапетьянц 2015 – *Карапетьянц А.М.* Ранняя китайская системология. – М.: Наука; Восточная литература, 2015.

Кобзев 1994 – *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. – М.: Восточная литература, 1994.

Титаренко, Кобзев, Лукьянов 2006–2010 – *Титаренко М.Л., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е.* Духовная культура Китая. Энциклопедия. В 5 т. – М.: Восточная литература, 2006–2010.

ЧЦЦЧ – Чжуцзы цзичэн (Собрание произведений всех мудрецов). – Пекин, 1988.

Шицин – Шицин / Издание подготовили А.А. Штукин и И.Т. Федоренко. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.

ШСЦЧШ – Шисаньцзин чжуншу (Тринадцатиканоние с комментариями и субкомментариями). Т. 1. – Шанхай, 1935.

Legge 1893 – *Legge J.* The Chinese classics with a translation, critical exegetical notes, prolegomena, and copious indexes. 7 vols. Vol. 1. – Oxford, 1893.

REFERENCES

Boshu Zhou Yi Jiaoshi [Silk Manuscript Zhou Yi with comparative explanations] (1996) (Deng Qubo, Translation into Modern Chinese and Comments). Changsha (in Chinese).

Karapetyants A.M. (2015) *Early Chinese Systemology*. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura (in Russian).

Kobzev A.I. (1994) *The Doctrine of Symbols and Numbers in Chinese Classical Philosophy*. Moscow: Vostochnaya Literatura (in Russian).

Legge J. (1893) *The Chinese Classics with a Translation, Critical Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes*. In 7 volumes. Vol. 1. Oxford.

Shisan jing zhu shu [Thirteen classics with commentaries and sub-commentaries] (1935) Vol. 1. Shanghai (in Chinese).

Shtukin A.A. & Fedorenko I.T. (Eds.) (1957) *Shi jing* [Books of songs]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ.

Titarenko M.L., Kobzev A.I. & Lukyanov A.E. (2006–2010) *Spiritual Culture of China. Encyclopedia in 5 volumes*. Moscow: Vostochnaya Literatura (in Russian).

Weyl G. (1926) *On the philosophy of mathematics* (Russian Translation: Moscow: KomKniga, 2005).

Zhuizi Jicheng [Collected Works of All Wise Men] (1988) Vol. 5. Beijing (in Chinese).